

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ ГАВАЗА

(повесть)

1.

В тот день Гаваз должен был отдыхать. Однако его напарник, украинец Тарасенко получил ранение и попал в госпиталь, и Гавазу пришлось выходить на утыканное немецкими минами поле и обезвреживать их. На плечи минёров ложилась трудная и ответственная задача расчистки дорог от смертоносных начинок для стремительнодвигающейся вперёд, наступающей на пятки фашистам танковой армады советских войск.

Было бы неверным сказать, что этот приветливый, широколицый, плотно сложенный татарский парень с лихо выбившимися из пилотки смоляными волосами Асадуллин принял внеочередное «доверие» командования с радостью. Однако приказы в армии не подлежат обсуждению, особенно во время войны. В отличие от немногих сослуживцев, радующихся возможности увидеть зарубежные государства, пообщаться с иностранцами, взять на память тамошние «игрушки», он, родившийся и выросший в деревне Асеево на берегах реки Черемшан отнюдь не восторгался ни природой, ни обычаями, ни образом жизни народов, расположенных по берегам Балтийского моря, где ему довелось побывать. Бог каждую нацию наделил своей особенностью, и поэтому каждый народ радуется, печалится, поёт, танцует, одним словом, живёт по-своему. И по-своему продолжает свой род. Хоть эстонцы, поляки, венгры при встрече приветливо улыбаются, стараясь выглядеть дружески, но советские солдаты не очень-то верят в их искренность. Да и командиры при каждом удобном случае повторяют, чтобы солдаты были осторожнее при общении с местным населением и не таяли, от их тёплых слов подобно воску. Даже у тех, кто считается «своим», невозможно знать, что каждый носит в душе и в карманах. «Даже язык у них какой-то... неприветливый», — промелькнула в голове Гаваза шальная мысль. Вон ведь русские ребята, с которыми вместе ходим под смертельной опасностью, мой красивый, такой утончённый, мелодичный и певучий язык почему-то недолюбливают. Если мы с земляками заговариваем на татарском, они косятся и делают замечания — дескать, говорите по-русски, чтобы вас все понимали. Но зачем от родного-то отказываться, когда в своём кругу? Вот и моё имя переименовывают, называя Гришей или Егоркой. А когда я, видимо, не совсем понятно объяснил, что «моё имя взято из арабского слова, и означает нырлящика-водолаза, добывающего жемчуг под водой», ко мне прилипло прозвище: «татарин-водолаз» — вот и всё!..

Гаваз подумал, что, наверное, на такое недопонимание и неуважение к языкам иных народов, населяющих другие страны, повлияла и узость советского мышления...

И он продолжил идти вперёд с миноискателем, вспоминая на ходу известную поговорку «На чьей телеге едешь, тому и подпеваешь» — чему слегка улынулся, представив себя едущим на телеге, лёжа на спине и мурлыкающим какую-то мелодию.

В последний год заканчивающейся войны перед армией стояла следующая главная задача: разгромить врагов-захватчиков в их же логове, ибо они нарушили нашу отлаженную мирную жизнь. Солдату при этом надо остаться в живых и скорее вернуться с победой на родину и утешить своих родных. Гавазу хотелось быстрее обнять родную маму («эни»), которая, после гибели любимого мужа жила одна в горе и печали. Хотя он и смеялся над охотниками за сувенирами, но всё же, «посоветовавшись» с пилоткой и вдумавшись глубже в этот вопрос, решил, что возвращаться в деревню без подарка будет неправильно. Не поймут земляки-фронтовики, упрекнут, мол, ты так и остался деревенским глупцом. Однако, не опуститься бы до уровня немецкой губной гармошки. Надо бы привезти что-то более существенное, вроде аккордеона, настенных часов или ковра, и предстать перед своей любимой девушкой Мунирой при всех своих медалях и блестящих знаках воинской доблести, словно ангел с неба, да и пленить её душу и взор! Интересно, как она себя поведёт, увидев меня в новеньких яловых сапогах или даже в добротных немецких ботинках с пощёлкивающими каблуками. Сначала, конечно же, растеряется, не сразу узнает меня, а потом, вдохнув полной грудью, радостно воскликнет: «Милый мой Гаваз, ты ли это? Не во сне ли я? И почему ты не сообщил заранее о своём приезде?» А затем на мгновение обиженно надув свои пухленькие, как спелые вишни, губы, сорвётся с места и обнимет его, заплакав от радости. Что поделать, таковы уж характеры и нравы! Такими их создали Бог и природа. Вернувшись домой и отоспавшись в течение нескольких дней, он сделает решительное предложение Мунире, сказав, что ему нужна жена, а матери — хорошая невестка. И тут ему грустно вспомнилось, что он ведь до сего дня никак не успеваешь ответить на письмо своей девушки и написать ей о своих сокровенных мечтах. «Всё из-за этого хохла Тимошенко», — попытался он оправдать сам себя, но это не принесло душевного успокоения. Нет, конечно, это не оправдание. Если не успеют вернуться в расположение подразделения засветло, то ответ с извинениями надо будет написать хотя бы при свете лучины в окопе... После того, как начеркает он на бумаге свои заветные слова, которые ещё никогда никому не говорил, то добавит, что скоро война закончится нашей победой и полушутливо припишет, что «можешь уже начинать готовить и вышивать свои свадебные полотенца»! Нет, последнее, наверное, будет чересчур лишним. Как говорится: «Девичья душа тоньше струны и нежнее, привередливее липового цветка» — так что, как бы не обидеть... А письмо надо обязательно написать сегодня же, иначе зайвится в деревню раньше него какой-нибудь другой ушлый фронтовик и, недолго думая, уведёт любимую девушку. Так и останешься стоять с кислой миной на лице, не успев и каблуками добротных немецких ботинок пощёлкать!..

Давая волю сладким размышлениям, Гаваз перешагнул через неприятно воняющий ручеёк, неспешно протекающий между мелких кустарников. Впереди была небольшая возвышенность, напоминающая маленькую горку. В это самое время ему почему-то вспомнилось напутствие капитана, отправившего его на это задание: «Будь очень внимательным, осторожным, немцы теперь озлоблены, им уже нечего терять».

Пропуская через своё сердце, может, для кого-то и обыденные, а для него очень дорогие мечты, Гаваз продолжал идти вперёд по узкой тропинке, водя миноискателем перед собой то влево, то вправо. Возможно, командир и преувеличивает, неоднократно повторяя им, что сапёра на каждом шагу поджидает смерть и советуя быть очень бдительными. На второй же год этой кровопролитной войны, беспощадно пожирающей в своём пекле оторванных от мирной жизни мужчин, призванный на

военную службу Гаваз Асадуллин окончил трёхмесячные специальные курсы сапёров, где обучался теории своей опасной воинской специальности. И вот уже в течение трёх лет занят поиском и обезвреживанием мин, замаскированных врагами в земле различными коварными способами. Каждый шаг равноценен прохождению моста над адом! Одни мины обезвреживаешь, выкручивая запал, другие — обрезая провода, третьи — отпрыгивая в сторону, если, конечно, успеешь. А если не хватило прыти, и не успел отпрыгнуть в безопасное место, то оказываешься внутри взорвавшегося огненного шара и сгораешь заживо...

В любом случае, как описывается в Коране, встречаешься глаза в глаза с адским пламенем и проходишь испытание смертью! Всех нас на том свете уравнивает прерванное последнее дыхание. А бедного солдата на каждом шагу — и в атаке, и в окопе, и даже в отступлении — подстерегает проклятая смерть...

Хоть и был признан Гаваз асом обнаружения и обезвреживания мин, было бы ошибочным считать, что он это делает с любовью, с усердием, со всей душой. Потому что, по его мнению, смерти не боится лишь только слабоумный с рождения человек. Как говорится, никто не рождается дважды и дважды не умирает — поэтому человек должен радоваться каждому прожитому часу. Вон ведь как мало осталось в живых однополчан, вместе с ним ходивших на боевые задания! И как было бы досадно погибнуть в эти последние дни войны, когда с нетерпением дожидается дома твоего возвращения любимая девушка. Впрочем, человек ничего не ведаёт ни о своём дне рождения, ни о своей смерти. В конце концов, рано ли, поздно ли, всё равно человеку надлежит предстать перед божьим судом и это не зависит от его собственного желания. Эта истина-то, наверное, и спасает бойцов от боязни смерти.

Сегодня и день какой-то тревожный, сумбурный, наводящий на грустные мысли. Даже взлохмаченные тучи, напоминающие различных животных, то и дело накрывают солнце и тем самым будоражат душу.

Многие европейские народы, несколько месяцев назад вынужденные плясать под немецкую дудку, вдруг ринулись объявлять свою независимость. А у немцев свои заботы: хоть они уже и не в силах остановить наступление советских войск, всё-таки стараются всячески поставить подножки, навредить, тем самым стараясь продлить своё существование. С этой же целью они изощрёнными способами минируют поля и дороги своих бывших друзей по оружию. Правда, сейчас мины не так обильно устанавливаются, как бывало раньше, но они сейчас намного коварнее. Впрочем, если, во-первых, наши части теперь не дают им времени на передышки, то, во-вторых, видимо, и взрывчатка-то у этих поганцев уже на исходе. Мины они теперь ставят поспешно и понемногу, но от этого, конечно же, их смертоносная сила не уменьшается. К сожалению, так мало нужно, чтобы погубить человека. И как много усилий необходимо приложить для того, чтобы поставить человека на ноги, вылечить.

Каждый посланный ему Аллахом день Гаваз встречает, благодарно приговаривая: «Праздник сегодняшний день, праздник».

Несмотря на то, что каждый день на войне равняется нескольким неделям-месяцам, да и питание солдатской кашей, консервами, недопечённым хлебом оставляет желать лучшего — ничего не способно погасить в человеке стремления к жизни. Если большинство солдат перед атакой с нетерпением ждёт выдачи «ворошиловских ста граммов», то Гаваз в первое время водки не употреблял. Он при этом придерживался поговорки «Будь доволен тем, что выпало на твою долю», но со временем эта горячительная жидкость стала и ему нравиться. Как бы ни ругали спиртное, оно, всё же, давало возможность забывать солдатам о трудностях судьбы, и даже на некоторое время усиливало в душах ненависть к врагам и будило равнодушие к смерти. Невозможно

отрицать роли спиртного и в совершаемом героизме ребят, закрывавших своей грудью фашистские дзоты и бросавшихся со связками гранат под танки. Однако сапёрам, в отличие от пехотинцев, горячительное выдавали только после выполнения задания по разминированию, объясняя это тем, что у них «ювелирная работа».

Если в первые дни войны Гаваз, получивший нравственное воспитание в советской школе, считал обнаружение и обезвреживание мин своей святой воинской обязанностью, то после «героической гибели» своего отца — Закиуллы в самом начале войны с финнами, стал немцев считать и своими личными врагами. И теперь при обезвреживании одну из мин он взрывал за свободу родины и своего народа, а вторую из них вздымал в воздух, приговаривая: «за гибель моего отца!» Характер у отца был очень крутой, но отходчивый, поэтому мать любила его и была послушной во всём, почитая его почти как пророка. Сердце Гаваза начинало ныть, когда он вспоминал, как тогда, получив известие о гибели отца, жизнерадостная мать вдруг сникла и как-то сразу постарела. И теперь, когда он читал письма, написанные секретарём сельского Совета под её диктовку, то представлял её морщинистое лицо с жемчужными слезами, текущими по щеке. Хоть в каждом её письме повторялось одно и то же пожелание: «Сынок мой, свет моих очей, ты один остался мне надеждой на этом свете! Ради Бога, береги себя...» — оно, конечно же, ничуть не теряло своего значения. Гаваз каждое письмо читал с таким волнением, как будто впервые. В последнем письме она почему-то прислала и баит, названный: «Девушки, отправленные в Германию из Донбасса»...

Так он и шёл размеренно и спокойно по заданному маршруту, раздумывая о материнском письме и тех чувственных словах, которые намеревался написать своей невесте Мунире. И вдруг миноискатель в его руках вздрогнул, а в наушниках резко задребезжало. На первый взгляд, ничего подозрительного на возвышенности не наблюдалось: валялись прошлогодние осенние листья и давнишний мусор. Однако по спине пробежались мурашки, словно он что-то интуитивно почувствовал. И он, не поддаваясь этой тревоге и стараясь вспомнить молитвы, которым учила его мать в детстве, продолжал медленно двигаться вперёд. Поднявшись на самую верхнюю часть возвышенности, он подумал, что, оказывается, весна одинаково прекрасна и в Европе, и у нас. Вон как переговариваясь между собой, секретничают сияющие на солнце берёзовые листья! Как прекрасна, как гармонична природа, да и враги-то ведь такие же люди, как и мы, с двумя глазами, двумя ушами и одним носом. У каждого человека жизнь одна, но почему-то одни люди находят удовлетворение в том, чтобы отправлять других на тот свет?

Гаваз только-только отвернулся от того места, где вздрогнул его миноискатель и сделал всего один шаг в сторону, как лежавшая рядом кочка вдруг ожила и, мгновенно набухнув, словно дрожжевое тесто, взметнулась вверх. Гаваз резко повернулся в сторону взрыва, тотчас его обдало красным пламенеющим шаром и отбросило далеко в сторону, как какую-то щепку. Ещё ничего толком не поняв, Гаваз попытался приподняться или хотя бы открыть глаза — однако ни глаза, ни руки не слушались. И он потерял сознание.

После сильного взрыва всё вокруг стало тихо и темно, словно потонуло в бездне ночи... Находившиеся рядом однополчане-сапёры, услышав прогремевший взрыв и поняв случившуюся трагедию, обнаружили неподвижное тело парня. Потом искалеченного тяжелораненого джигита отнесли в санчасть, откуда отправили в Москву.

2.

Гаваз не помнил, где и сколько лежал без сознания. И вот, когда врачи уже потеряли надежду на его выздоровление, он, словно проснувшись от мертвецкого сна,

умудрился разжать будто склеенные губы и сумел, наконец, выдавить вопрос на родном татарском языке:

— Мин кая ятам? Минем белән нәстә булды? (Где я лежу? Что со мной случилось?)

Хоть Гаваз это и произнёс совсем тихо, но его, всё же, услышали. И его ухо уловило слова, произнесённые чьим-то мужским голосом по-русски:

— Ой-ой, кажись, он пришёл в себя, что-то попытался вымолвить.

Женский голос:

— Что он сказал?

— По документам он — татарин. Наверное, на своём языке что-то пробормотал. Главное — наконец он пришёл в себя. Ведь столько времени лежит без сознания! Бедняга, он ещё не знает, что потерял оба глаза. А сколько из его тела мелких осколков вытащили! Не сосчитать...

«О ком это они говорят? Кто этот бедняга, потерявший оба глаза?» — подумал он, пытаюсь открыть глаза, однако поднять веки и, увидеть беднягу, лишившегося зрения, он не смог. В это самое время его вдруг осенила ужасная догадка: «Да не обо мне ли они говорят? И не я ли тот самый „бедняга“? Если это так, то дела мои плохи...» — кольнула его мозг ужасающая мысль.

Эти тяжёлые мысли ещё более ослабили Гаваза и он, не выдержав головной боли и приступа тошноты, опять потерял сознание. Он не помнил, сколько ещё пролежал. Когда же пришёл в себя, спешно ошупал своё тело и попытался приподняться, но голова осталась неподвижно лежать на подушке... Когда сёстры милосердия начали его приподнимать и кормить в полусидячем положении, он начал мучительно задумываться о своём нынешнем плачевном состоянии в будущей жизни. Сейчас прояснилась горькая правда: значит, он свои дорогие глаза оставил там вдали, «подарив» их чужим краям... как это удручающе звучит: слепой Гаваз, незрячий Гаваз Асадуллин... Если бы он погиб тогда от взрыва коварной мины, то сейчас бы считался героем войны и на его могилу (если бы нашли, конечно) благодарно приносили бы цветы. А сейчас — ни один, ни полтора, как говорится... Несчастное существо...

Что ни говори, как ни оценивай, а в нашей стране смерть на поле боя считается героизмом, высшей степенью мужества. Тяжелораненые же, ставшие инвалидами на войне и понявшие свою ненужность, страдают от этого, отчаянно сожалея: «почему я не погиб там, не пришлось бы сейчас так мучиться...» Гаваз никак не мог примириться с мыслью, что придётся жить слепым. К тому же, по ночам не дают покоя сны, в которых мать вздыхает, жалеючи: «ой, сыночек мой, что они, проклятые, с тобой сделали...»

Вскоре деревенский парень, вся жизнь которого проходила в сельских трудах — рубить лес, колоть дрова, косить сено, ухаживать за лошадьми — начал потихоньку вставать с кровати, и передвигаться по палате, опираясь на палку и общаться с товарищами по палате. Тёплое отношение к больному со стороны врачей и медсестёр действует намного благотворней, чем лекарства. Когда он попросил у тяжелораненого от разрыва мины и потерявшего ногу Аркадия написать письмо своей матери, он ни словом не обмолвился том, что стал незрячим инвалидом. А причину того, что письмо написано по-русски объяснил тем, что его недавно ранило в правую руку, и поэтому письмо попросил написать соседа. Сообщил матери и о том, что его военная служба ещё продолжается и о сроках возвращения домой сообщить точно он пока не может. На путь обмана он встал потому, что очень жалел свою «эни»...

Лечился он очень долго. Ему казалось — целую жизнь. А перед выходом из госпиталя, ставшего вторым домом, когда ему вручили в руки документы на выписку и билеты на поезд, он послал телеграмму двоюродному брату Замиру, попросив «встретить на

лошади в такое-то время на такой-то железнодорожной станции». И в купе, и при выходе из вагона ему всячески помогали добрые люди, понимающие его положение.

Отважный солдат, конечно же, не ведал того, имеет ли Замир абый лошадь или нет. Он только помнил, что до войны на колхозных работах его брат работал на умном рыжем жеребце с белой звёздочкой на лбу... Замир абый и лошадь нашёл, и на станцию прибыл в нужное время. Позже он рассказал Гавазу, что ту его лошадь в самом начале войны мобилизовали для нужд армии и она — то ли «героически» погибла на фронтовых дорогах, то ли спасла от голода солдат в окружении. Об этом никто в деревню не сообщил, просто лошадь обратно в колхоз не вернулась.

Замир абый издали заметил на перроне человека с вещмешком за спиной и с узелком в руке, сразу же определил, что «это должен быть Гаваз», и не ошибся. Стоявший на перроне неподвижно, как вкопанный, человек в больших чёрных очках и не взглянул в сторону подошедшего к нему, пока тот не окликнул:

— Гаваз, братишка, это ты, что ли?

Безмолвно стоящий на перроне человек наполовину повернулся в его сторону и, протянув руку совсем в другом направлении, произнёс:

— Да, Замир абый, это я — Гаваз.

Замир, поняв состояние фронтовика, крепко обнял его и заплакал. Затем, ни о чём не спрашивая, повёл к телеге.

— Да, брат, фашист тебе на всю жизнь отметину оставил. Ничава, руки-ноги целы, потихоньку оклемаешься. Вон даже слепые с рожденья по-своему прекрасно живут, поют, танцуют, женятся и прекрасных зрячих детей растят.

А Гаваз всю дорогу думал о матери, о Мунире: как они встретят слепого? Наверно, обе растеряются. Особенно мать жалко... Так и вышло, не зря он беспокоился.

Оказалось, что Замир абый предупредил его маму: «Вот еду на станцию встречать твоего сына-героя». Так что, как только лошадь остановилась возле их ворот, Хамдениса абыстай выскочила навстречу сыну, заранее надев выходное платье и накинув на плечи новый белый платок. Она заметила приближающуюся телегу ещё издали, так как, продолжая готовить пищу у плиты, то и дело выглядывала в окно. Она, радостно улыбаясь, ещё от ворот спросила Гаваза: «Хорошо ли ты доехал, сынок?» А Гаваз слез с телеги и направился в сторону, как ему казалось, матери, но, оступившись, чуть было не упал. Мать, почувствовавшая неладное ещё из писем, написанных чужой рукой, а теперь закричала на бегу: «Ах, что они, ироды, с тобой сделали?!», рванулась уберечь его от падения, но сама запнулась и, потеряв сознание, свалилась к ногам сына. Подбежавшие к этому времени односельчане, понесли на руках мать Гаваза, а его самого взяли под руки и ввели в дом. Подоспевшая медсестра привела в чувства мать, что-то дав ей понюхать...

Горячий по натуре Гаваз никак не хотел мириться со своей инвалидностью. На второй же день, суетливо надев гимнастёрку и брюки, он вышел из дома. Однако, начав только спускаться по лестнице, что-то с грохотом уронил, а вскоре и сам растянулся прямо на ней. Мать, занятая приготовлением завтрака, заохав от огорчения, вышла на помощь сыну и с трудом поставила его на ноги. Короче говоря, этим утром Гаваз получил первый урок мирной жизни. Человек ко всему привыкает быстро: и к хорошему, и к плохому. Не прошло «даром» и падение на лестнице — сейчас Гаваз уже не «петушился»: внутри дома ходил только на ощупь, двигаясь от кровати к столу, от стола к окну, от окна к двери, при этом опираясь на сделанные ещё отцом табуретки. По нужде ходить помогала мать. Вскоре он научился выходить через калитку к забору, где стояла скамья, которую он начал ежедневно «осчастливливать». Кажется, жить стало немного легче, когда Замир абый сделал для него гладкую деревянную

тросточку. Теперь он тщательно ощупывал её всё впереди и вокруг, и лишь потом делал шаг. Самостоятельное хождения в уборную, выход на улицу, открытие скрипучей калитки, нахождение скамьи и сидение на ней, закинув ногу на ногу — всё эти обыденные житейские мелочи стали для него такими же значительными событиями, как, например, водружение Знамени Победы над рейхстагом. При этом его лицо так сияло, будто говорило: «Вот, глядите на своего приятеля Гаваза, который так красиво восседает на этой скамье, как петух на плетне, может быть, скоро и кукарекать научится...» Все навешавшие и проходящие мимо него, и стар и млад, вежливо здоровались и справлялись о здоровье.

Чаще всех навещал его друг детства Газим, проживающий в нижней части деревни и так же, как он, получивший увечье на войне. В один из своих приходов он заменяет начавшие гнить доски скамьи, после чего радуется:

- Хорошо и удобно получилось. Прямо загляденье!
- Спасибо, друг! Я тебе верю.
- Как говорится, может обмоем теперь чуток?!

Гаваз то ли не понял намёк друга, то ли нарочно повернул разговор в другое русло:

- Скажи маме, пусть вынесет воды!

Газим же нетерпеливо заметил:

- Да не прикидывайся ты дурачком. Я говорю, что надо бы обмыть.
- Так ведь, всё равно, наверное, нужна какая-нибудь жидкость.
- Если ты не против, то я мигом сгоняю в магазин!

При напоминании о спиртном, в горле у Гаваза, когда-то привыкшего к фронтовым «ворошиловским угощениям», вдруг что-то запершило и ему захотелось сбросить с души какой-то надоедливый ком. «Хорошо бы освободиться от этого проклятого груза» — подумал он и поддержал предложение друга детства. Сперва высушили одну бутылку хмельного, но им показалось, что для «полного счастья» этого маловато. К тому же, Гаваз посчитал себя обязанным угостить друга, и поэтому на этот раз предложение последовало от него:

— У меня в правом кармане галифе должны быть деньги, возьми их и принеси-ка ещё одну бутылку. Вот ведь как хорошо пошла.

Эту своеобразную игру по заглушению душевной боли друзья начали повторять почти ежедневно. При выписке из госпиталя домой ему вручили конверт от имени командования с приличной суммой денег, да и военная пенсия регулярно приходила.

Да и другие односельчане, особенно бывшие фронтовики, хорошо понимавшие трудное положение Гаваза, считали обязательным делом навестить его с бутылкой водки в кармане. А Гаваз, как человек с душой широкой, как солдатское галифе, никого не хотел обидеть своим отказом выпить вместе. После выпивки, сердечная боль на время затихала, а затем всю душу охватывали безразличие и пустота.

Конечно, всё это к добру не приводило. Дело дошло до того, что Гаваз даже не стал стесняться петь разухабистые песни о пропащей жизни и частушки о том, что «живём на свете только раз, выпьем же, друзья, за нас...» и тому подобные.

Он, конечно же, не хуже других понимал своё приближение к пропасти. Особенно то, что таким непотребным поведением создаёт новые огорчения для матери, готовой ради него отдать свою душу на растерзание, и считающей его последней надеждой, верой и опорой в этой жизни. Однако остановиться от падения в бездну алкоголизма никак не мог. Мать, понимая отчаянное состояние своего единственного сына и, чувствуя своё бессилье ему помочь, старалась хотя бы ничем его не обидеть. Недаром же говорят, что материнская любовь не знает границ. И всё же, когда, несмотря на все её переживания, сын не менялся, она решила действовать как бы от третьего лица.

Однажды, выбрав удобный момент и встав недалеко от сына, обратилась к Аллаху: «О, Боже, дай мне терпенья!». И далее, изо дня в день Хамдениса апа, будто разговаривая сама с собой, стала повторять, чтобы слышал и Гаваз: «Если бы был жив отец, то он бы сказал ему „Задумываешься ли ты, сынок, о своих проступках? До чего ты докатишься таким образом? Как же ты представляешь своё будущее? А ведь тебе ещё надо создать семью, вырастить детей, продолжить наш род. Если даже люди примирятся с твоей слепотой, то не отдадут свою дочь за алкоголика!.. Только тогда, когда будешь вести себя прилежно, а не будешь распевать хмельные песенки, возможно, что и найдётся какая-нибудь пара и для тебя. Даже в нашей деревне немало вдов и девушек, дождающихся своих женихов. Но, прознав, что ты алкаш, никто и разговаривать с тобой не будет“».

Хоть и говорила Хамдениса абыстай от имени своего покойного мужа, всё же, не забывала подчеркнуть своею заветной мечте: «А мне нужна толковая невестка, которая будет радоваться и ценить приготовленную мной пищу, и всегда будет готова прийти мне на помощь, да чтобы внуки и внучки крутились возле подола, радуя меня: „Дэу эни! Бабуля!“ О, Боже, неужели я унесу с собой в могилу мечты о полной счастливой семье?»

Гаваз, слыша такие, терзающие душу монологи матери, думал, что, конечно, пора освободиться от дурной привычки, но с приходом очередного «сердобольного» односельчанина с бутылкой самогонки в кармане удержаться от искушения не мог. А после первого «глотка», следует второй, затем и третий... Завершает угощение обычно друг детства Газим, он и заводит бывшего минёра в дом, стараясь не показываться на глаза его матери. Но однажды произошло событие, которое в корне повернуло в другое русло всё существование Гаваза, всю его дальнейшую жизнь. Газим, как обычно, оставил своего закадычного друга сидеть на скамейке перед домом, а сам пошёл на поиски «горячительного», сказав ему:

— Ты, дружище, подожди меня здесь. Если смогу занять у кого-нибудь денег, тотчас вернусь к тебе с «беленьким». А если не найду щедрого человека, то всё равно загляну к тебе, чтобы проводить до дома...

3.

Посыльной всё не возвращался и не возвращался. А когда чего-то очень ждёшь, время как будто останавливается. Гаваз хотел было уже уходить домой, как почувствовал, что кто-то приближается к нему, шурша высыхающей травой и устало волоча ноги. Говорят, что слух у слепых бывает очень острым. И это верно. Недаром некоторые учёные считают, что мозг человека, потерявшего один из органов, усиливает функции другого. По звуку тяжело передвигающихся по траве калош, ему стало ясно, что приближается к нему не Газим. И вот по покашливанию Гаваз опознал старика Салахетдина, который добровольно выполнял обязанности деревенского муллы, и которого благожелательные односельчане называли «рабом божьим», а политически продвинутые дали ему насмешливую кличку «луковый суфий». Слепой не ошибся. На вопрос старика: «Как поживаешь, браток Гаваз?», Гаваз чуть было не ответил грубо: «Зачем спрашиваешь, сам-то не видишь что ли?» Однако сдерживая себя, ответил так:

— Здоровья у меня выше головы, могу хоть с кем поделиться. Кто это пришёл без приглашения? Я никого не звал.

— Я близкий друг твоего отца — Салахетдин бабай. Не прикидывайся, что не узнал. Мне нужно серьёзно поговорить с тобой.

Гаваз неприветливо заметил:

— А кому нужен слепой, лишённый дневного света? И о чём говорить-то?

Салахетдин абзый был человеком, испытывавшим много бед и горестей на своём веку. В лихие времена репрессий и унижений он был обвинён в контрреволюционной деятельности за то, что не допустил спиливания минарета мечети, а затем арестован и в течение пяти лет хлебал тюремную баланду. Поэтому он не стал обижаться на резкие слова парня, и по-отечески продолжил:

— Сынок, ты со мной не разговаривай-ка так свысока. И не сердись, не обижайся. Подвинься немножко, я тоже пристроюсь рядышком, а то ноги болят. Я уже давно собирался к тебе...

Гаваз правой рукой пощупал скамью и сказал:

— Садитесь, места достаточно.

Старик со спокойными глазами и таким же светлым лицом, как белая бородка, прислонил рядом с собой тросточку и стал излагать заранее продуманные мысли:

— Гаваз сынок, судьба очень сильно потрепала вашу семью, поэтому я не собираюсь читать тебе длинные нравоучения. Буду краток и прям, так что — не обессудь! Вчера, возвращаясь из магазина, видел твою мать: она заметно постарела, переживая за тебя. Бедняга прямо на глазах пропадает, словно льдинка, тающая в жару!.. А ты погибаешь, поддавшись бесовскому искушению. Тебя окружили лстывые алкаши, ждущие твоей пенсии да выпивки, а приличные люди ваш дом уже стороной обходят.

После этих слов старик взволнованно поднял голову и, повысив голос, обругал в сердцах подошедшего Газима:

— Иди отсель, недотёпа, чтобы я тебя больше не видел!..

Слова старика Салахетдина о матери заставили задуматься Гаваза. Мысленно он представил обеспокоенное, изборождённое морщинами лицо своей эни, сидящей за молитвой на намазлыке и просящей помощи от Бога. И как-то даже обрадовался тому, что будучи незрячим, не может видеть всего этого. Гаваз опечалился, понимая — рядом с ним сидит уважаемый человек, пришедший с искренними святыми пожеланиями:

— Что же делать мне, Салахетдин абый? И признаться-то стыдно: как выпью, так хоть на немного забываю о своей инвалидности, о своей ненужности...

— Ничего не поделаешь, милый мой, у каждого своя судьба. Скольким испытаниям подвергается человек до того, как попадает в царствие Божье: один не может свои страсти обуздать, другого беспричинно обижают, а ты вот потерял свои глаза в боях за свободу и счастье своего народа, теперь страдаешь из-за этого. Но отважный джигит не должен сдаваться перед бесовским искушением. У тебя, извини, кроме глаз на лице, есть ещё и внутреннее, душевное зрение. Надо уметь им пользоваться!

— А слепому, может быть, душевное зрение и не полагается? — продолжал стоять на своём Гаваз.

Понимая причину и нежелание парня сразу соглашаться с правдой, старик решил повернуть разговор по другому:

— Тебя спасёт только надежда на божью помощь! Надо только поверить в могущество и милосердие Аллаха! Тогда ты поверишь и в свою силу, в своё будущее! Наш великий поэт Габдулла Тукай одно из своих стихотворений назвал «Аллага таян» («Надейся на Бога»). Оно пока не вошло в издания как раз из-за названия. Но ты услышь его из моих уст:

О, бесценно-дорогое и безвинное дитя!

В Бога веруй и надейся — он и добр, и святой!

Слушая стихи, Гаваз самозабвенно предавался их звучанию, их мелодичности, но упрямство подмывало задать безбожный вопрос: «Если понадеюсь на Бога, попрошу Его помощи, то он вернёт мне глаза?». Однако врождённая воспитанность удержала

от этого. Причину он понял позже: спокойный, размеренный и, в то же время, обнадёживающий, как непринуждённо текущий чистейший родник, голос преданного Богу старика всё же проник в его душу, успокаивая её теплом.

Хоть в тридцатые годы Гаваз был совсем маленьким, но хорошо помнил, как милиционеры арестовали и увезли Салахетдина абы в наручниках за то, что он не давал безбожникам спилить минарет мечети. Нет, нельзя обижать уважаемого человека, который, несмотря на преклонный возраст, пришёл к тебе с благородным намерением. И всё-таки, он не удержался ещё от одного уточняющего вопроса:

— Салахетдин бабай, а почему ты так беспокоишься обо мне и помогаешь?

Ответ был коротким и простым:

— Мы с твоим отцом были близкими друзьями. Твоя судьба меня терзает.

— Насколько я помню, у отца было много друзей, но почему-то они не проявили, как ты, заботу об ослепшем сыне Закиуллы.

— Перед Богом, сынок, каждый отвечает за себя. Ты не подумал — много ли ровесников твоего отца осталось в селе? По заветам пророка каждый татарин должен помогать своему сородичу по мере возможности. Никто на всём белом свете не защитит наш народ, кроме самого себя. Мы являемся, к сожалению, нацией, дошедшей до нищеты из-за того, что не умеем в должной мере ценить и сохранять своё величие. Наша надежда, опора — в Исламе, посланном нам Господом Богом. Если ты, извини, предавшись своему пьянству, доведёшь мать с её стрессами до смерти, и она ляжет в сырую землю, то кому ты тогда будешь нужен?..

Гаваз решил, что пора согласиться со стариком. А точнее, ему захотелось продолжения в будущем тёплого обнадёживающего разговора. И он, как бы добавляя сухих веток в костерок общения, сказал:

— Наши предки ведь не зря говорили: «От судьбы не уйдёшь», «Чему быть, того не миновать».

— Есть и много поговорок с другим содержанием. Эти — пессимистические, косящие в чётках жизни. Люди же с борцовским характером, верящие в могущество Бога, не опираются на тоскливые поговорки!

— Если честно, то я пью только от безысходности, от ненужности, Салахетдин абзый. Мне трудно своё будущее представить — кажется, что вот здесь, на этой скамье я и подохну...

— Это сатанинское искушение, бесовское наваждение — философия тех, кто ищет лёгких путей в жизни.

Гаваз почувствовал, что Салахетдин хазрет пришёл к нему не только поболтать о возвышенном, почитать нравоучения и дать советы. За разговором ощущалась какая-то глубина, какая-то тайна, какой-то секрет, подобно искусно запрятанной mine. И задал вопрос ребром:

— И что же мне теперь делать? Я не могу выполнять мужские работы топором и пилой, не могу строгать и забивать гвозди. Дай же хоть один дельный совет, мудрый человек?

Ответ был резким и неожиданным, как звонкая стрела. пущенная натянутым луком:

— Тебе надо жениться! И поскорее! Срочно!

Гаваз тотчас вскочил со скамьи, как дисциплинированный солдат по команде «Смирно!»

— Вы смеётесь надо мной, что ли?

— Ничуть! Я даже не улыбаюсь. Ты разве когда-нибудь видел, чтобы священники, живущие чаяниями народа, смеялись, скаля зубы? Да и основная причина моего

прихода к тебе именно в этом — хотел поговорить о создании тобой семьи. Чтобы не прервать ваш род, ты должен найти невесту, которая понравится матери и порадовать её внуками!

Старик взял Гаваза под руки и спокойно усадил его обратно на скамью.

— Джигит! Не горячись, включи мозги! Дружил ли ты до войны с какой-либо девушкой или хотя бы был близко знаком?

То ли старик Салахетдин интуитивно почувствовал состояние парня, то ли просто случайно попал в цель, которая не давала парню спать по ночам, тревожила его самые тонкие струнки чувств. Гаваз уже давно задумывался над тем, чтобы сойтись с какой-нибудь женщиной с ребёнком и создать семью. Ему не хотелось оставаться таким же холостяком на всю жизнь, как Газим, который ему, скорее всего, завирает, что на фронте он был безумно влюблён в одну белорусскую девушку, а она изменила ему с офицером и бросила его. И что после этого, мол, он дал себе клятву, что не будет общаться ни с одной женщиной. Да это, наверное, только «зарок дятла», то есть, клятва, которую он постоянно нарушает.

Не однажды мучали Гаваза размышления о том, что неужели ему не дано познать счастье жизни с женщиной и радости рождения своих детей. Когда же Салахетдин абзый заговорил по этому поводу, то в его памяти тотчас предстала та самая Мунира из соседней деревни Новая Амзя, с которой он вместе учился в Мурасинской школе — вспомнилось, как он скучал по ней в перерывах между боями, как она снилась ему почти каждую ночь на войне.

В знакомстве и общении с этой шаловливой, острой на язык красавицей была целая история. Сначала озорные дергания за косы, затем желания видеть и подольше постоять с ней где-нибудь в уединении, потом первый поцелуй на выпускном вечере, которому она не противилась. А разве можно забыть, что в день его призыва на фронт она специально отпросилась и пришла в военкомат, чтобы попрощаться и не стесняясь никого, при всех, поцеловать его в губы... Это всё — милые воспоминания, оставшиеся в прошлом. Сейчас же, наверное, его красавица и умница Мунира нежно спит на надёжном плече своего любимого мужа и видит сладкие сны да воспитывает таких же красивых детей, как она сама... Даже если она и не замужем, то, наверное, махнула рукой на меня, узнав от людей, что я стал абсолютно слепым.

Неужели поезд семейной жизни проехал мимо, не сделав остановки на его станции? Может быть, всё же: «попытка — не пытка»? Эта мысль, больно царапнувшая его душу, будто избавила фронтовика от какого-то дурного сна.

Никогда не покидал сердце Гаваза любимый образ Муниры: её глаза ясного небесного цвета, всегда приветливое улыбочивое лицо и гибкий стан! Но какое сейчас может быть до него дело у красивой и успешной девушки?.. Если ей сказать, что глаза оставил на поле боя за свободу Родины, то небось скажет: так и спи в обнимку со своей Родиной — вот и все дела!.. Слова о чувстве патриотизма, о любви к Отечеству нужны только на торжественных мероприятиях, чтобы поставить галочку об их плановом проведении. А когда утихают фанфары, герой остаётся один на один со своими незаживающими ранами. Не только букеты цветов, но даже ордена и медали не могут облегчить личной трагедии.

Опомнившись от этих своих тревожных, тяжёлых мыслей, он повернулся в сторону Сахabetдин абзья, дожидавшегося ответа и сказал:

— Мы, когда я был на фронте, постоянно переписывались с девушкой по имени Мунира из соседней деревни Новая Амзя. Когда я потерял глаза, то долгое время не отвечал на её последнее письмо, а потом сам наложил петлю на свою шею, написав: «Мунира, ты меня больше не жди, я женился, будь счастлива». Не захотел писать, что

был ранен, не желал вызывать жалости к себе. Я очень любил её, да и сейчас страдаю, как Меджнун, видя её во сне по ночам.

Старик Салахетдин некоторое время сидел безмолвно. С одной стороны, он этот поступок парня оценивал как мужественный, так как обман был благородным — не хотел причинять страданий девушке, но с другой стороны, если бы он написал правду, то, возможно, любимая девушка поняла бы его и протянула бы руку помощи.

Однако он не стал вслух давать оценку действиям парня, а ушёл в относительную философию, характерную для людей его возраста:

— Найти свою супругу или, как говорят сейчас, спутницу жизни — обязанность любого мужчины. Даже тогда, когда обе стороны согласны и пылают взаимными ответными чувствами, не всё в жизни идёт гладко, как бы этого хотелось.

Сидеть на скамье было прохладно и приятно. Поэтому Салахетдин абзый, как бы желая высказаться, пока имеется внимательный слушатель, пространно коснувшись всех нюансов счастья, неожиданно приблизился к конкретной цели разговора:

— Хоть какая-то надежда теплится в том, что у тебя есть знакомая девушка. Я со своей стороны, то ли через своего приятеля в Амзе, то ли через каких-либо других людей постараюсь узнать о Мунире поподробнее. В каждой деревне достаточно много тех, кто потерял на войне или мужа, или парня своего. Ты ведь, сынок, свои глаза не на улице потерял по какой-то глупости. Умная женщина всё поймёт и, пусть даже насупившись, но примет тебя, посчитав, что «это и есть серебро, выпавшее на её долю». Но тебе надо будет бросить те дурные привычки, что приобрёл на войне...

Хоть и догадывался Гаваз о том, на что намекал старик, но, всё же, решил прикинуться непонятливым, и спросил:

— Это ты имеешь в виду мою слепоту, что ли?

— Зря голову не морочь! Ты прекрасно понял, о чём я говорю. Ладно, прощай пока. Я пошёл — время намаза подходит, — сказал старик и неспешно зашуршал по траве своими калошами.

Разговор с Салахетдином абзыем для Гаваза был подобен воде, полив которой вернулся к жизни цветок надежды. Несмотря на то, что вопросов оставалось больше, чем ответов. С того самого дня он перестал употреблять спиртное. И перед своими собутульниками, особенно перед Газимом, чтобы не обидеть ненароком, встал на путь обмана, отказываясь пить, говорил: «прости, дружище, побаливаю сегодня, резко поднялось давление, да и сердце бешено колотится».

4.

Отвечающий за свои слова старик Салахетдин даром времени не терял, спустя несколько долгих дней, он пришёл к Гавазу и поделился радостной новостью, полученной от своих «осведомителей»: «Мунира не замужем, живёт только с матерью, отец не вернулся с войны — то ли погиб, то ли без вести пропал. Но ждёт ли тебя и примет ли — одному Богу ведомо. Я сделал всё, что мог, извини! Мой тебе совет: куй железо, пока горячо! Садись на телегу своего родственника, встретившего тебя на станции, и вместе с ним гони в Амзю! Если она сумеет простить твой обман насчёт женитьбы, то, может быть, и соединитесь в одну семью. „Женская душа — бездонный колодец“ — так говорится в народной пословице...

Тёплая весточка старика Салахетдина разбудила искру надежды в душе Гаваза, уже начавшей было замыкаться в своей скорлупе. Гаваз был искренне благодарен Салахетдину абзыю, указавшему ему божественный путь, но не мог не задать ему ещё один важный вопрос, не касающийся выполняемых им обязанностей священника. Человек обращается за помощью лишь к тем, кто умеет творить добро. А сейчас вот

рядом с ним стоял белобородый аксакал, показывающий верный путь заблудшим, как легендарный пророк Хызр Ильяс. К кому же ещё, если не к нему может обратиться со своей просьбой слепой Гаваз.

— А если Мунира согласится выйти замуж за меня и жить одной семьёй (Гаваз говорил и сам удивлялся таким красивым словам, рождённым в его душе), то тогда появляется одна сложность.

— Что эта за сложность? Нечем что ли калым заплатить? Ты успел разбазарить имевшиеся деньги?

— Да нет, это меня не пугает. Дело в другом — угол нашего дома, по словам мамы, прогнил и ушёл в землю...

Салахетдин хазрет спрятал свою хитроватую улыбку в бородку, и удивив собеседника, как некий ныряльщик за жемчугом, ответил так:

— Меня, дружище, радуют твои думы о том, что дом, в который ты хочешь привести жену, должен быть достойным. Это мужские думы! О ремонте я переговорил с председателем Гилемшином Гараем. Уже завтра плотники привезут к вам брёвна, чтобы отремонтировать прогнивший угол. Председатель у нас, слава Аллаху, человек обязательный. А ты приведи себя в порядок, жених!

В этот момент парня будто подменили: он расправил плечи, поднял высоко голову и собрался идти домой.

— Салахетдин абзый, спасибо тебе за всё. Сегодня же схожу в баню, побреюсь, приведу себя в порядок, а завтра поеду к предполагаемой невесте.

— Если, конечно, будет время у твоего Замир абья...

— Да он уже надоел мне своим вопросом: «Когда поедем свататься»...

На следующий день Гаваз с терзающими его душу сомнениями и надеждами сел в пахнущую ароматом сена телегу Замира, и они отправились в путь. Гаваз, конечно, не мог видеть горящие азартом глаза двоюродного брата, его хитрую улыбку из-под усов, но душевная теплоту и голос, грубоватый от частого покрикивания на деревенскую скотинку, поднимал его настроение.

— Всё будет хорошо! — подтвердил возникчий.

5.

О дальнейшем развитии событий преданный герою-фронтовику Замир абый, «взяв в свои руки всю ответственность», рассказал следующим образом. Если что-то наврал или добавил — всё на его совести, конечно. Чего греха таить, любил он в своих рассказах что-то приукрасить, а то и приврать, но рассказывал ту историю с таким воодушевлением, будто только именно так, а не иначе, всё и происходило. Представим-ка слово ему самому, чтобы не обидеть.

— Выехали мы на Амзю где-то после обеда. В самую деревню въехали в сумерках. Спасибо лошади, она словно в званые гости торопилась. Я это истолковал к добру — животное всегда что-то чувствует. Расспросив у одного встречного мальчугана о том, где находится дом Муниры, подъехали мы к воротам на дубовых столбах. Они оказались запертыми изнутри. Постучали, в ответ — ни звука. Заметив в одном из окошек тусклый свет и поняв, что хозяйева дома, я начал стучать громче. Спустя некоторое время в окне показалась пожилая женщина и послышался её недовольный голос:

— Ты что ли там шум поднимаешь, паршивец? Мунира же тебе несколько раз чётко сказала: «Меня больше не беспокой, отрезанный ломоть к хлебу не приклеивается»...

Но я, не отступая от своих намерений и почуяв что-то неладное в услышанном, обратился к хозяйке:

— Мы запоздалые путники, из деревни Асеево, не дадите ли нам напиться?

Женщина открыла калитку и ушла в дом. А мы ждём. Не трудно представить, как переживал, как волновался Гаваз. Сердце расчувствовавшегося жениха было готово выскочить из грудной клетки, даже я слышал его стук. Ещё по дороге он вспоминал, как Мунира провожала его в военкомате, словно вновь видел её в прилегающем к телу цветастом платье и в дешёвеньких тряпичных туфлях на низких каблуках. Ему запомнились её полуудивлённые глаза и ямочки на розовых от волнения щеках, когда она шептала ему в ухо: «Я буду ждать тебя»... В то мгновение он подумал, что вот такой, как моя Мунира, наверное, является образец татарской девушки.

А теперь вот мой брат стоит перед закрытыми воротами, словно цыган таджикский... Со своим никому не нужным высоким ростом. Словно шест на дороге! И говорит мне:

— Замир абый, разворачивай-ка лошадь, поехали обратно! Они знали о нашем приезде, кто-то, видимо, предупредил их. Давай, не будем позориться, как нищие.

— Не спеши, браток, нас, кажется, путают с другими.

И только я уже погромче сказал: «Неужто вам жалко ведра воды для лошади и стакана воды для нас?», как пожилая женщина боязливо подошла к воротам, и медленно открыла их. Я же, боясь, как бы Гаваз ещё что-нибудь не ляпнул по упрямству характера, взял его под руку и мы вошли во двор. В это же самое время из дома, словно почувствовав что-то, быстрыми шагами вышла красивая девушка. Спешно вытирая о белое полотенце мокрые руки, она вдруг остановилась на полпути к воротам и долго, с изумлением смотрела на стоящего у ворот аккуратно одетого парня в больших чёрных очках, И тихо произнесла:

— Это ты, Гаваз?

И вслед уже громче, чуть не плача:

— Не Гаваз ли это?

Узнав голос, парень ответил:

— Да, это я, Мунира.

— Что ты делаешь в этих краях? Мама, вынеси воды путникам, и пусть они едут дальше.

— Я, Мунира, пришёл к тебе...

— А где же ты жену-то оставил? Почему не привёл её сюда?

Надвигающийся между ними чёрный туман развеяло врождённое чувство юмора Гаваза:

— Она осталась у ворот. На привязи.

Красавица посмотрела за ворота, высунув голову.

— Да ну тебя, обманщик, там ведь никого нет, кроме лошади. Ты что, жену бросил, что ли? И опять хочешь жениться? Здорово!

— И ты, Мунира, поверила в мой обман? Я пошёл на это, беспокоясь за твоё будущее, чтобы ты не осталась без мужа. А я ни к кому, кроме тебя не подходил, да и никто мне не нужен.

И в это самое время случилось то, что происходит только в сказках и в дастанах. Гаваз поднял руки вверх, как бы обращаясь к Всевышнему, затем встал на одно колено. Мунира же тотчас подбежала к нему и, взяв под мышки, подняла и поставила на ноги, затем, обняв его своими белыми и гибкими, как лебединая шея, руками, стала целовать в обе щеки.

После этого она отошла немного в сторону и, пристально взглянув на Гаваза своими сияющими от радости голубыми глазами, опять подбежала с раскрытыми объятиями к застывшему как истукан, парню, нежно повторяя: «Мой милый! Мой дорогой Гаваз!»

Наконец наш будущий жених, весь растаяв от девичьей нежности, как сахар в тёплой воде, притянул Муниру в свои объятия и стал искать губами её губы. В короткие моменты, когда они отрывались друг от друга, как домашние попугаи, оба повторяли одно и то же предложение:

— Пожалуйста, прости меня, милый! Я очень виноват перед тобой.

— Не обижайся на меня, ради Бога! Я тебя безумно люблю!

Впрочем, не могу однозначно утверждать, что именно эти слова звучали из их уст, потому что они беспрерывно то плакали, то смеялись в объятиях друг у друга. Правда, точно могу сказать, что крупные, родниковые слёзы Муниры стекали по её пылающим щекам. Возможно, из глаз Гаваза тоже текли слёзы счастья, но сквозь чёрные стёкла его очков их было не видно.

Тайны открывались одна за другой. Гаваз просил прощения за то, что не смог сохранить на войне для любимой свои глаза. Просьбы о прощении от Муниры были ещё сложней.

— Когда ты перестал отвечать на мои письма, я подумала, что ты или погиб в бою, или пропал без вести, но продолжала ждать тебя, уповая на чудо. А когда через полгода пришло от тебя письмо с сообщением о женитьбе, я никак не могла поверить в твоё предательство... Сердце чувствовало: тут что-то не так, но от горькой обиды и отчаянья я решила выйти замуж за крутившегося возле меня, ухаживающего за мной мужика-фронтовика. Однако каша у нас не заварилась, а семейная жизнь не наладилась.

Я тут встрял в разговор и заметил:

— Наверное, забыли соли положить в семейную кашу?

Услышав это, девушка так взглянула в мою сторону, что я чуть было не пожалел, что на свет родился...

— Нет, абзый, наоборот — соли, видимо, оказалось слишком много.

— К ревности мужа добавилась ещё и его любовь к спиртному (от этих слов у Гаваза выступил холодный пот на лбу)... Поняв, что я являюсь лишь красивой игрушкой, я предпочла развестись. Впрочем, и у него причины для развода были серьёзные. Мужа звали Сахип, а я, оказывается, называла его во сне Гавазом. Поэтому, если он сначала не был против развода, то позже, поняв, кого потерял и взявшись за ум, стал настойчиво упрашивать меня вернуться обратно, но я уже и близко не подпустила его к себе. Именно в то самое время до меня дошло известие о твоём возвращении домой по ранению...

Тем временем проворная домохозяйка Замзамия апа, мать Муниры, уже успела вскипятить чайник, и позвала всех за стол:

— Вы же умоляли меня дать напиться, так вот — всё готово, проходите, пожалуйста, в дом!

(Замир абый, у которого желание похвастаться было в крови, представил дальнейшие события следующим образом):

— Ваш абзый, то есть, я, в качестве свата не жалел красноречия, так и сыпал красивыми словами, как горохом по раскалённой сковородке, расхваливая и показывая все достоинства рода жениха. Однако думаю, что более всего подействовал мой рассказ о том, что Гаваз, когда я вёз его домой со станции, в течение всей дороги прожужжал мне все уши расспросами о своей невесте: «Безумно люблю Муниру, страдаю без неё...» А затем и вовсе расплакался: «Не могу, — говорит, — представить свою будущую жизнь без неё». Но после этих последних слов Гаваз сильно толкнул меня под ребро — и я понял, что перестарался, тотчас замолчал от боли, и даже некоторое время не мог дышать, убедившись, что с фронтовиками шутки плохи.

Но дело не в этом. В конце концов, именно я всё обустроил, как подобает в таких случаях и, вручив ценный подарок матери Муниры (а это был, как вспоминают любители анекдотов, кусок хозяйственного мыла), не откладывая дела в долгий ящик, взял вожжи в свои руки. Не прошло и трёх дней, как я — сват и кум — перевёз уже сдружившуюся с нами Замзамию абыстай и саму Муниру, со всеми их узлами и приданым в нашу деревню, и благословил на счастливую жизнь новую советскую семью. Нельзя было излишне затягивать эти дела, оставляя время на сомнения и размышления! Все приглашённые на свадьбу Гаваза и Муниры остались довольны организованным торжеством.

Позже, если верить словам Замира, мать Муниры — симпатичная черноволосая женщина со смуглым лицом и чёрными, как созревшая черёмуха, глазами, открыла ему причину закрытых «на замок» ворот в день их приезда в деревню Азмя.

— В тот самый вечер, — рассказала она, — накормив овечек и кур, я заперла ворота на железный засов, да ещё и припёрла жердью. Вскоре в малые ворота кто-то постучал, а когда мы не вышли на стук, то начал стучать очень громко.

Я, грешным делом, подумала и испугалась, как бы разведённый муж Муниры не пустил «красного петуха». Он частенько, проходя мимо нашего дома в «разгорячённом» состоянии, надоедал своим стуком и угрозами, дескать, если не откроете, то приведу знакомого милиционера и отправлю вас в Сибирь или в тюрьму.

— Так в чём же он обвиняет вас, этот лягушачий потрох? — не удержался и спросил её Замир абый, любящий задавать уточняющие вопросы.

— Никак не может примириться с тем, что Мунира отказалась от него и прогнала.

— Но это же не причина привести милицию?

— Да, причина в другом. Он, когда жил у нас, видел, что раз или два я приносила с колхозного поля по блюдечку пшеницы для кур...

6.

В тот день, когда должны были привезти нового члена семьи в их дом, Хамдениса апа созвала своих соседок и отмыла, отскабливая ножом все стены, подоконники и потолок. Да и окна засияли, как новые. Несмотря на то, что стояли нелёгкие дни послевоенного года, подготовила богатый стол и, надев своё выходное платье, накинув на плечи кашемировый платок, вышла навстречу невестке. Затем положив под её ноги самую дорогую подушку, сама вся сияя от счастья, провела Муниру на почётное место в переднем, красном углу дома.

Это было её признанием новой хозяйки. Осознавая всю ответственность, как мulla, за рождающуюся новую семью, приведя себя в порядок, аккуратно побрив бороду и усы, Салахетдин хазрет громогласно совершил никах, прилюдно объявив Гаваза и Муниру супругами перед Богом, после чего все присутствующие прочитали благословенную молитву и пожелали счастливой жизни молодым. После этого молодожёны сходили в сельский Совет, где секретарём работала их родственница Фатыйма апа, и, официально расписавшись, получили «Свидетельство о браке». Наконец, герой войны стал женатым, а Хамдениса апа, долгими ночами мечтавшая о свадьбе сына, заполучила прекрасную невестку. После вечернего чаепития, мать сказала молодожёнам, что идёт ночевать к приболевшей соседке Хадиче, которая очень уж просила непременно зайти...

Когда молодые в уединении начали обниматься и целоваться, случился один непредвиденный случай, из-за которого чуть было сам же Гаваз не поставил точку с запятой на своей любви.

Татарин, всё-таки, не всегда умеет ценить посланное ему судьбой счастье. И вот Гаваз, уже достигнув претворения в жизнь своей большой мечты, вдруг предавшись

бесовскому наваждению ревности, чуть было не потерял своего самого любимого человека — Муниру.

Необдуманно сказанное им слово чуть было не превратило долгожданную сумасшедшую сладость близости в пламя ненависти... Хотя он и ничуть не сомневался в разборчивости, порядочности, честности и душевной чистоте Муниры, но, всё же задал ей глупый вопрос, за который позже сам себя и возненавидел:

— Милая моя Мунира, между нами не должно остаться никаких недоговоренностей, никаких тайн, чтобы впредь не в чем было бы упрекнуть друг друга.

— Если ты считаешь, что я против этого, — заметила Мунира, озорно играя бровями, — то очень сильно ошибаешься.

— Мы в этот вечер, — продолжил Гаваз, — должны раскрыть все свои тайны друг другу, чтобы наше будущее рассветы были безоблачными, спокойными.

Жена же, заметив, что он говорит с каким-то внутренним напряжением в голосе, решила перевести его слова в шутку:

— Ты, видимо, решил в этот наш заветный вечер поделиться со мной своим главным секретом и подробно рассказать историю своей женитьбы? Пожалуйста, как говорится, внимательно слушаю.

— Да нет, — сказал на это Гаваз, чувствуя, что всё глубже увязает в своих словах и всё дальше заходит в тёмный лес рассуждений, где запросто может заблудиться. Однако, сказав «А», он уже не мог не сказать «Б».

— Скажи, ты кроме своего того мужа (хотел было сказать «алкаша», но сдержался, тотчас вспомнив своё недавнее прошлое) ни с кем не путалась?

Если бы в этот момент Гаваз хотя бы одним глазом мог видеть расстроенное лицо Муниры, на котором мелькнули тени изумлённой обиды вперемежку с ненавистью, то он бы просто-напросто провалился сквозь землю...

Мунира долгое время сидела безмолвно, закрыв лицо руками. Потом резко и решительно встала.

— Хорошо, я тебя поняла. Сейчас соберусь и уйду. А за своими вещами приеду позже.

Гавазу, лишний раз убедившемуся в твёрдом и решительном характере жены и понявшему глупость своего вопроса, ничего не оставалось делать, как, преклонившись уже на левое колено (на правое он преклонялся, когда просил её руки и сердца), обнять её колени и тысячекратно умолять о прощении:

— Прости меня, ради Бога, милая! Прости бестолкового! Кажется, от радости язык перестал подчиняться голове. Хотя и прекрасно знаю твою честность, и то, что выходишь за меня лишь оттого, что не хочешь бросать под ноги нашу былую любовь, а вот ведь выкинул такую глупость... Что же делать, такой уж я дурачок! Клянусь, что больше подобное не повторится. А если ты бросишь меня, то я наложу на себя руки! Не подумай, что пугаю!..

Гавазу вновь повезло. Мунира, понимая всё, что может случиться, сумела и в этой ситуации подчинить женское самолюбие и гордость разуму:

— Ладно, поднимайся. Садись. Ты ведь герой войны, и тебе не подобает так унижаться!

Невыдержанному на язык Гавазу этот случай стал поучительным уроком мудрости на всю оставшуюся жизнь: он понял, что сделать ошибку легко, а исправить её иногда просто невозможно, и это очень схоже с потерей глаз от внезапного взрыва мины. Он бы навзрыд расплакался от отчаянья, но ведь даже слёзы не выходят из слепых глаз, и не видно в них его сердечной боли. А эта боль-то появляется от безысходности душевных страданий. Но, оказалось, что его отчаянные слова дошли до глубин души

Муниры и, несмотря на свою горделивый и независимый нрав, она смогла умело вести их отношения из трудного, тупикового положения.

— Всё. Хватит. Довольно раскисать. Сегодня день сближения двух любящих друг друга душ, сегодня ночь нашего счастья, а не время для «ловли рыб в мутной воде непонимания» и пустословия...

Два нежных тела, так долго, с неиссякаемой надеждой ждавших этого дня и прошедших такое множество испытаний, соединились в пылающих объятиях любви и даже не успели заметить наступления нового рассвета. Наверное, на примере вот таких горячих сердец и родилась поговорка, гласящая: «С нашей женитьбой ночи стали короче».

Гаваз и Мунира начали жить с устремлениями в будущее, с надеждами только на лучшее. Не успело пройти и года, как у этой пары появился сын, которого, тот же друг семьи Салахетдин хазрет, по согласию родителей, нарёк Салимом.

Наверное, будет излишним подчёркнуто говорить о том, что увеличению семьи больше всех радовались обе бабушки. Потемневшие от тяжких трудов глаза Хамденисы апа, когда она взяла в свои трепетные руки долгожданного младенца, излучали несказанный свет. Она не могла скрыть своего счастья.

После рождения первенца Мунира, очистившая весь огород и двор от вездесущих кустов крапивы и лебеды, взявшая в свои руки все обыденные заботы по дому, стала выглядеть ещё моложе и симпатичней. Жаль только, что эту красоту не мог видеть Гаваз.

Всё своё внимание до рождения сына Мунира направляла на законного мужа. Она брала Гаваза под руки и, шаг за шагом, как учат ходить ребёнка, выводила его во двор и на улицу.

— Ты, красавец мой, забудь свою незрячесть, и старайся запоминать всё, чего касаешься рукой и все места, где ступаешь своей ногой. Стремись к запоминанию. Вон и брыкающийся, ворочающийся в моём животе ребёнок хочет сказать тебе об этом. Чувствуешь, отец? — спрашивал она, прикладывая его руку мужа к своему животу.

Когда супруги уже попривыкли друг к другу, Мунира открыла Гавазу свою сокровенную тайну, которая никогда не могла и присниться ему, и тотчас легла бальзамом на сердце.

— Услышав о том, что тебя призывают на войну, я приехала в райцентр на машине с такими же призывниками, как и ты, и, расцеловав, проводила тебя, а позже очень упрекала себя за то, что не успела родить от тебя ребёнка. Мы ведь не всегда живём по своему разумению, а более думаем о том, что подумают о нас люди и родители (её отец без вести пропал на войне). Вышло так, что, всё же, Бог прислушался к моему желанию и дал мне возможность родить от тебя. — говорила Мунира, радуя своего мужа так нежно, словно лилась соловьиная песня, окончательно отвлекая его от мыслей о своей ущербности.

Гаваза очень радовало и то, что Мунира, как невестка, во всём искренне угождала свекрови, оказавшись умной и умелой молодой хозяйкой и прекрасным поваром. Две женщины быстро нашли общий язык и стали друг другу родными. Ещё одна мать, ещё одна дочь...

Гаваз, конечно, горевал, что не может видеть своего сына глазами. Но в десятилетнем возрасте, когда Салим начал ходить, Мунира заявила мужу без всяких скидок на его незрячесть:

— На-ка, держи своего сына за ручку и путешествуй с ним по дому, а скоро и пространство вокруг дома осваивать начнёте, — и добавила с улыбкой: — А там, глядишь, и на твоей любимой скамейке погостите. Пусть сын станет твоими глазами!

Дети любой национальности любят играть в прятки. Так вот, Салим, ещё не подзревая о слепоте отца, до изнеможения «гонял» отца, прячась то под обеденный

стол, то за занавеску, то за печку. Когда же Салим заснул, она вручила ему в руки нож с напильником и попросила:

— Ножи бы надо, милый мой, наточить — совсем затупились, даже картошку невозможно чистить. Только смотри, пальцы не порежь. А завтра сходим к липовой роще и принесём оттуда мочала, и ты будешь плести из них бечёвки — в хозяйстве пригодится, к тому же, ими хорошо осенью подвязывать кусты смородины и малины, да и полезно пальцы размять.

Односельчане уже успели ей рассказать о его дурной привычке, привезённой с фронта. Поэтому Мунира не преминула шепнуть любимому на ухо, да так тихонечко, чтобы мама не услышала: «Это тебе не бутылки осушать на скамье», умело используя этот повод в воспитательных целях. Таким образом, она находила всякие мелкие занятия для мужа, тем самым отвлекая его от назойливых мыслей об инвалидности.

Не прошло и четырёх лет со дня женитьбы, как семья Асадуллиных была осчастливлена ещё одним членом семьи — у них родилась прелестная дочь. Её назвали

Салимой — именем, созвучным с именем брата, который уже ловко бегал не только по двору, но и по деревенским улицам. Так что, Гаваз жил в наполненном светлыми мечтами, мире, с удовольствием выполнял поручения жены и радуясь каждому новому слову, произнесённому любимой дочкой. Жена и дети помогли ему забыть прежние «пристрастия». Возвращаться к употреблению спиртного он уже и не думал.

Лишь один необъяснимый и тайный страх иногда не давал покоя Гавазу. Он сидел в нём, как проклятие. С юных лет Гаваз был отчаянным, смелым парнем, отважным солдатом, умеющим укрощать смертоносные вражеские мины, но от этой напасти не мог освободиться, как от назойливой осенней сытой мухи. И домочадцы, и близкие, с коими он иногда делился своей печалью, реагировали каждый по-своему: одни сочувственно улыбались, другие вертели пальцем у виска, мол, мне бы твои заботы. А Гаваз к этому своему предчувствию относился очень серьёзно: как бы это ни казалось странным, он панически боялся большой воды. Причину возникшей боязни толком объяснить не мог, ибо в детстве он часами пропадал, купаясь в реке Черемшан, абсолютно её не опасаясь. Как-то в старшем классе (в каком именно — уже не помнил) он заинтересовался толкованием своего редкого имени, зная, что большинство татарских имён пришли из арабского языка. Мулла Салахетдин, единственный в деревне знаток арабского, объяснил ему, ввергнув в удивление: дословный перевод имени «Гаваз» означало «ныряющий в глубину искатель жемчугов».

Этим толкованием в юности и особенно в армии он даже гордился, но позже просто забыл об этом. А когда их подразделение погружалось в теплушки, увозящие их на фронт, одна цыганка с пяти-шестилетним сыном подошла прямоком к нему и, безо всякого спроса-разрешения, взяла его за руку и начала гадать по ладони. И сказала, глядя Гавазу в глаза: «Красавец, с войны ты вернёшься с ранением, но дома будешь счастлив, а погибель свою найдёшь в большой воде». Затем, даже не попросив денег за гадание, так же вдруг пропала в толпе, как и появилась. Гаваз долго не мог забыть эту белозубую, чернооую и расторопную цыганку в красном платье с чёрной оторочкой и её устрашающие слова... Однако навалившаяся на него трагедия потери глаз, казалось, надолго затуманила этот случай в памяти. Когда военные горести начали забываться, когда он вопреки этому обрёл счастливую семью, когда родившиеся дети принесли новые радости, как-то вдруг вспомнились устрашающие слова той цыганки и стали терзать его изнутри, как занозы, застрявшие под ногтями. «Мало ли что наговорит сумасшедшая цыганка?» — старался он успокаивать себя, но возникшая боязнь никак не отпускала от себя, будто детская боязнь волков в лесу.

Сбывшиеся предсказания цыганки о его ранении, возвращении домой и семейном счастье окончательно насторожили Гаваза. Хоть он и старался не верить в последнюю часть её предсказания, но, всё же, купаться не любил. Даже когда в реку его вводила Мунира за руку, он не решался входить на глубину выше пупка, придерживаясь народной поговорки: «Когда Бог спит, чёрт может неведомо чего натворить».

Детей, растущих возле реки, вода, как источник жизни, всегда манит и притягивает к себе. Семья Асадуллиных купаться всегда ходила вчетвером. Если сестрёнка ещё боялась входить в воду, то Салим уже в шесть лет отлично плавал и мог нырнуть в глубину — чувствовал себя в воде, как в родной стихии.

Наверное, такова игра судьбы: в тот день, когда суждено было сбыться третьей части предсказания цыганки, к сожалению, Мунира купаться не пошла, сославшись на занятость, на загруженность домашними работами, а только дала Гавазу ценные указания.

— Смотрите там, будьте осторожны! Ты, Салим, не хвастайся умением плавать, не заплывай далеко. Усади поудобнее отца на траве, и пусть себе любитесь журчаньем воды в обнимку с Салимой!

Так и сделали. День был красивым, солнечным. Радую душу, веял тёплый мягкий ветерок. Гаваз всё время напоминал детям: «Салим, сынок, не заплывай далеко, всё время подавай мне голос, а ты, Салима, наблюдай за братом».

Деревенские ребята весело плескались в реке, ныряли и плавали наперегонки. Всё, вроде бы, шло хорошо, но вдруг до слуха Гаваза донёсся взволнованный голос Салима:

— Папа, папа, Джаудат тонет, его в воду затягивает, он не может оторвать ног от речного дна.

Гаваз, долго не раздумывая, забыв об опасности, сам не понимая того, что делает, поставил дочь на траву и, в спешке даже забыв снять галоши, бросился в воду, и пошёл в том направлении, откуда слышался голос, зывающий о помощи:

— Помогите, тону, не могу оторвать ноги!..

Гаваз по воде дошёл до тонущего Джавдата, вырвал его — то ли из грязи, толи из лап водяного, то ли из пут старых рыболовных сетей, и изо всех сил отбросил подальше от губельного места к берегу. Только после этого стал пытаться выбраться сам из проклятого, губельного места. Но все попытки освободить ноги от липкого, неумолимо затягивающего ила, оказались тщетными, словно их заковали: он попал в глубокую слизистую яму... Гаваз выбивался из последних сил, стараясь вырвать ноги из объятий коварного ила, и стремился, победив дурную затягивающую вглубь силу, подняться как можно выше. Но ему лишь один раз удалось на мгновение высунуть голову из воды. В тот самый момент ему показалось, что вдруг к нему вернулось зрение, и он заметил синее небо, уходящее к дальнему краешку горизонта... А в ушах звенели последние слова, услышанные в этом мире — умоляющие крики сына и дочери, навзрыд плачущих и отчаянно зовущих его к себе на берег:

— Папа, папенька, выходи из воды!..

Однако на этот раз наполовину обгорелые веки Гаваза сомкнулись уже навсегда. Прибывшие из районного центра спасатели насилу вытащили из ила тело бесстрашного сапёра. Хоронили фронтовика, героя, спасшего юного односельчанина ценой своей жизни, торжественно. Проводить его в последний путь пришла вся деревня...

2018 г.

Перевёл с татарского Мансур САФИН.

Р. С. Редакция литературного журнала «Аргатак. Татарстан» сердечно поздравляет с 85-летием выдающегося татарского писателя, критика, литературоведа Талгата Набиевича Галиуллина, желает ему здоровья и творческого долголетия.

